

ЛЮДМИЛА НИКОЛЬСКАЯ

ДОЛЖНА ОСТАТЬСЯ ЖИВОЙ

Повесть

*Легко казаться,
Трудно – быть!*

**65-летию Победы
в Великой Отечественной Войне
посвящается**

Санкт-Петербург
2010

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

Л.Д. Никольская

Н64 Должна остаться живой: Повесть. – СПб: ГРИФ, 2010. 256 с., ил.

Действие повести происходит на протяжении одного, самого страшного, месяца блокады Ленинграда – декабря 1941 года. Обыкновенная ленинградская девочка проявляет подлинное мужество, переживает трагические моменты, проходит настоящие приключения, помогая добру в его борьбе со злом. Несмотря на трагизм ситуации, повесть наполнена светлым оптимизмом.

Книга рассчитана на детей и взрослых.

ISBN 978-5-85388-037-5

© Л. Никольская, текст, 2010
© А.Веселов, оформление, 2010
© ГРИФ, 2010

Светлой памяти МИЛЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сон и пробуждение

Запах. Необыкновенный, ни с чем не сравнимый! Майя вся пропиталась этим запахом. Стала не Майей – ароматным облаком. Она глубоко и редко дышит. Её плечи уже подпирают уши. Она боится шевельнуть рукой, боится шевельнуть ногой. Чтобы неловким движением не прогнать дивный запах парного молока. Чтобы он не улетел от неё, не исчез навсегда.

Она смотрит на молоко, льющееся из подойника. На глиняный горшок сверху наброшена старая жёлтая марля. В углах её великое множество больших и малых пузырьков-бусин. Они дрожат, лопаются, невесть куда пропадают. Затем вновь появляются.

Неожиданно молоко полилось широкой лентой. Она мягко поблёскивает на заходящем солнце. Вдруг марля втягивается внутрь горшка. Тётя Катя досадливо ойкает, крепче прижимает к боку подойник с вмятиной, свободной рукой бьёт комара на лбу и расправляет осевшую марлю.

И снова течёт молочная река, уходит в глиняные горшки.

А они – как солдаты в строю. Тут и новые светло-жёлтые, и коричневые с узкой полоской по верху, и тёмные выщербленные, треснутые ветераны, побывавшие в лихих печных переделках.

Майя ждёт.

перед Майей встревоженное лицо мамы.

– Не шевелишься, не откликаешься. Что с тобой? Разве можно так меня пугать? Поднимайся! В очередь за хлебом надо идти. Софья Константиновна за тобой придёт. Она и тебе очередь обещала занять. Господи, не шевелится. Лежит, словно чурка!

А Майя недоумевает. Она широко раскрывает оба глаза, потом закрывает их. И лежит ошеломлённая. Она не понимает, где находится! Что с ней происходит! Только что она была в деревне Руче у тёти Кати. Держала в руках полную кружку с молоком, пила его бесконечно долго. На длинном столе в ряд стояли горшки с молоком. Разве так бывает? Она не узнаёт холодный мрачный сумрак комнаты.

Она узнавать ничего не хочет.

Она здешнего ничего не хочет.

Ей хочется вернуться в прекрасный сытный сон, где рекой льётся парное молоко, а в буфете полным-полно хлеба и масла. Она вдруг поняла, как незаслуженно, жестоко обманута, и задыхнулась от обиды.

– Я пила молоко, – угрюмо сказала она.

– Майя, ты видела сон. А тут реальность.

– Не веришь? В кружке помещается целое море. Что качаешь головой? А запах, а вкус во рту? Смотри, какие губы у меня сладкие. И живот раздулся, как барабан. Отчего же такой живот? Если я не пила парное молоко, отчего он такой?

Она больно натолкнулась на чугунный утюг, лежавший на её животе. Как он туда попал. Она горько сказала грустно глядевшей на неё маме:

– Зачем разбудила? Я спала себе, есть у тебя не просила, тебе не мешала.

Она подтащила двумя руками тяжёлый утюг к самому носу. Молоком он не пах. А у неё на губах ещё таял слабый запах молока, улетучиваясь в сумрак. Разве бывает такое? Ей страстно захотелось вернуться в прекрасный сон. Майя стала гладить шею кончиками пальцев, еле к ней прикасаясь. Сколько она помнит – это её успокаивало, и она

Молоко стало невыносимо пахучим. Она крепче уткнула локти в свежевывитый деревянный стол. Коленки ёрзают по табуретке. Она то и дело облизывает сухие горячие губы, а в её руках зажата огромная фаянсовая кружка с размытым неведомым цветком.

Она уже изнывает от нетерпения, а молоко всё льётся.

Остаётся один чёрный горшок. Самый большой и старый.

Смотреть стало невыносимо. И Майя отвернулась.

Возле стола на полу дружно сидят кот Валет и дворняга Узнай. Они тоже ждут. И тоже не сводят внимательных глаз с подойника. Кот сидит плотно, солидно, облизывается неторопливо, с достоинством. Знает себе цену. Старый слезливый Узнай громко сопит, нервно с лёгким повизгиванием зевает. И тоже облизывается. Но делает это деликатно и украдкой. Понимает Узнай, что служить стал совсем плохо, а есть, наоборот, хорошо.

Все горшки налиты до краёв. Тётя Катя облегчённо вздыхает. Гулко звенит пустой подойник. Она лукаво оглядывает собравшуюся возле неё компанию, вытирает медленно потное лицо и говорит ласково и певуче:

– Налетайте, пока я добрая. Такую уйму надоть! Ужо, племянница, нарви нашей Зорюшке мягкой травки-мокрицы. Заслужила наша кормилица.

Майя кивает головой, берёт полную кружку и подносит к глазам. Молоко дышит, как живое. И мелко-мелко пузырится. Майя глубоко вдыхает ускользящий запах летних трав, настоянных на солнце. И пьёт шумными жадными глотками, то и дело замирая от нереальности происходящего.

Майя пьёт и не может от кружки оторваться. Странно, но молока не убавляется. Скорее, наоборот. Она пьёт и удивляется нескончаемому молоку в кружке. Её живот, она это чувствует, стал плотным тугим шаром...

– Вставай! Да поднимайся же, наконец.

Майя с трудом разлепила один глаз. С него ещё не сполз сонный туман, но куда-то отодвигаются Валет с Узнаем, горшки с молоком и приветливое тёти Катино лицо. Прямо

Майину косичку между дверей. Пружинистая дверь только того и ждала. Она так саданула её по затылку, что из глаз высыпался с десяток ярких молний. Правда, слёзы были другими. В них была боль и невозможность сиюминутного отмщения. Потому что она была не драчливой, а Фридька, по её мнению, нахальный хулиган.

Уже в носу набухло, слюна стала вязкой, застревала в горле непроглатывающимися комками, но самым ужасным стало исчезновение запаха парного молока и свежееиспечённого каравая.словно их никогда и не было в её жизни.

Она сидела, раскачивалась взад-вперёд тощим телом и монотонно бубнила:

– Не дала попить молока, не дала поест хлеба, не дала поймать щуку. Тебе, что ли, жалко было?

Мама сняла с одеял зимнее пальто, набросила на окочевшие Майины плечи. И гладила шершавыми пальцами взлохмаченную дочкину голову.

Сквозь слёзы Майя глядела на неё. Как изменилась мама! Кожи на лице стало больше. От носа к ушам разбежались глубокие борозды-морщины. Одежда на ней болталась. И ноги мамыны стали макаронами. А ступни, наоборот, удлинились. Только грустные глаза стали больше и красивее. Вот она задумчиво проводит по лицу ладонью. Так она отгоняет неуютные мысли и разглаживает морщинки. Невидимые до войны.

Война идёт шестой месяц. Целую вечность. Всё резко разграничилось. До войны. В войну. словно две жизни. Та промчалась, а эта длится целую вечность. Хочется плакать или замереть на месте и ждать, когда она кончится. Ведь должна же война кончиться?

– Успокоилась? Собирайся поживей. Не терзай мне душу.

– Я в самом деле пила молоко, – начала Майя. – И каравай висел вместо солнца. Запах густой, тёплый. Всё вокруг стало жёлтым, нет, скорей, коричневым... Не веришь? И кот Валет с Узнаем разговаривали. Оказывается, он жив, а тётя Катя писала, что давно околел.

засыпала без всяких там сказок и глупых песенок.

...Бежит она к реке. Солнце проснулось, вылезло из-за деревьев и побежало вместе с ней. Трава под ногами длинная, вся в каплях росы. Роса сверкает красными, зелёными, синими брызгами. Ноги тоже сверкают, а кусты цепко хватают за платье. В тихой зеркальной реке что-то так и вскидывается ей навстречу. Живое и сильное. И ей подмаргивает.

Если это лещ моргает, то его надо поймать и зажарить. А если щука, то её лучше сварить, щучьего супу им хватит на целую неделю. Если же есть помаленьку и не каждый день, то вполне хватит на месяц. Надо успеть поймать...

Солнце превращается в громадный каравай хлеба. Такой густой аромат расходится от него, что вся рыба высунулась из воды. Что же делать? За караваем на небо лезть или рыбу ловить в речке. Столько еды сразу! С ума можно сойти!

– Опять спит. Что с ней делать! Может, заболела?

Холодная мамина рука легла на лоб. Ещё не проснувшись, Майя заплакала. Она ещё была на тихой речке, видела каравай-солнце, стоявший над миром, глядела на щуку, желавшую во что бы то ни стало плюхнуться в её ведро. И в то же время она отчётливо слышала маму, чувствовала её руку на лбу.

– Зачем меня будишь? Будишь и будишь. Я смотрю сны. Тебе, что ли, жалко молока? Невсамделишного. И рыба теперь помешала... Ты и не знаешь, что солнце может в каравай хлеба превратиться. Такой здоровый, что его хватит на весь Ленинград. А щука сама захотела залезть в ведро. Не веришь?

– Не болтай глупости. В очередь надо собираться. Нельзя много в постели лежать. Голодные люди во сне слабеют, мне пора уходить, а я перчатку никак не довяжу... Ты не просыпаешься, паршивая духовка не растапливается. Хоть плачь!

Майя будто ждала именно этих слов. Она села на заваленной одеялами постели и заплакала. Плечи мелко дрожали, как хвост Узная во сне. Так она никогда ещё не плакала. Нет, кажется, один раз, когда Фридька зажал

пальтишке. Хорошенькая такая.

– Моё пальто красивого болотного цвета. А лицо вовсе не хорошенькое. Нос у меня как непропечённая картошка, – бурчит Майя.

– Правда? Ну, не важно, Майечка. Ты будешь стоять за женщиной в чёрном пальто. Оно буквально ей до пят. Знаете, чересчур длинное пальто. И с опущенными ушами.

– У неё уши опущенные? – удивилась Майя и поглядела на маму. Мама не улыбнулась.

– Ты не поняла меня. Буквально опущены уши у мужской шапки, которая на женщине. Какая непонятливая девочка. А может быть, эта дама – мужчина? Люди стали странным образом на себя непохожи. Все почему-то на одно лицо. Многие ходят нематыми. Да, о чём это я? Булочная закрыта, на улице темнотица. Вероятно, в ней хлеб отсутствует. Ты, Майечка, её или его разглядишь запросто. У тебя буквально кошачьи глазки.

– Кого разглядишь? Хлеб?

– Непонятливая девочка. Конечно, даму. А может быть, она всё-таки мужчина? Но сзади тебя определённо стоит дама. На её ногах фетровые ботики. Но дама почему-то в саже, ботики тоже. Может, у неё «буржуйка» коптит. Или зеркало разбомбили. Ведь не работает же она этим... как его...

Софья Константиновна задумалась.

– Печником, – развеселилась Майя. Она увидела на щеках и под носом Софьи Константиновны яркие сажевые дорожки. И как Софья Константиновна могла в темноте разглядеть сажу на ботиках дамы.

– Трубочистом, – рассеянно подсказала мама.

– Правильно, милая. Как есть трубочистка. А с виду такая интеллигентная дама. Не следить за чистотой – это потеря бдительности. Сколько предостерегают по радио, что надо быть начеку от происков врагов. Буквально уши все прожужжали...

Лицо мамы досадливо поскучнело. Майя поняла, что

Мама помрачнела.

– Что-то с Катенькой. Там уже давно фашисты. Может, и живой нет... Писал Дмитрий, что там на дорогах делается... Дороги забиты беженцами. С детьми, в одних платьях, узлы и чемоданы в канавах валяются. А немцы бомбят, обстреливают!

– Как нас? Мамочка, парное молоко, оказывается, такое вкусное. Как я его не любила? Я пью, а оно не убавляется. Разве такое бывает?

– Во сне всё бывает. Вставай, одевайся, замёрзла вся.

– Рыба, мамочка, сама из речки высовывалась. Одна здоровая щука сама захотела залезть в ведро... Я подумала, не Емелина ли это щука. А лец, тоже здоровый, таращил на меня глаза!

Майя видит, что мама думает о своём, но уже не может остановиться. Ей надо выговориться, она не может носить в себе одновременно горе и удивление.

Но мама отошла к топившейся «буржуйке».

Майя встала, натянула на бумажные чулки тёплые шерстяные, надела свою, потом мамину кофты и думает, что надо сегодня сходить к Мане. Уж ей-то она подробно расскажет свой удивительный сон.

В дверь осторожно постучали. Затем дверь отворилась, и на пороге встала соседка Софья Константиновна.

– Можно к вам, Наталья Васильевна?

– Войдите, пожалуйста, Софья Константиновна, – запоздало сказала мама. Она не пошла навстречу соседке, только зябко повела плечами.

– Извините, я прикрою дверь.

Мамины глаза прикованы к платью, аккуратно сложенному на диване. Это её лучшее платье. С вечера оно приготовлено для барахолки.

Майя видит, как маме нелегко с ним расстаться. Поняла это и Софья Константиновна, бросив мимолётный взгляд на маму и на диван.

– Отвлекитесь, милая. Я буквально на минутку. Я всех в очереди предупредила, что придёт девочка в красненьком